

НГ-АНТРАКТ
ПРИЛОЖЕНИЕ К НЕЗАВИСИМОЙ ГАЗЕТЕ
МОСКВА, 101000, ГСП, МЯСНИЦКАЯ, 13.
ТЕЛ. 981-61-54

СЕГОДНЯШНИЕ
НОВОСТИ В ИНТЕРНЕТЕ
НА WWW.NG.RU

03.11.06

16 «ЗАБОЛЕВШИЕ» САГОЙ

Движение поклонников «Звездных войн» продолжает жить и множиться

15 ПО КАКИМ ВОРОБЬЯМ МОЖНО СТРЕЛЯТЬ

Самопиар – плохо это или хорошо?

17 ПОЧЕМУ ОТТОРГАЮТ ЛУЧШИХ

Анна Качкаева о положении на отечественном телевидении

21 НОВАТОР С ВНЕШНОСТЬЮ МЕФИСТОФЕЛЯ

Как хореограф Морис Бежар собирается праздновать свое 80-летие

СОДЕРЖАНИЕ

ЛЮДИ И ПОЛОЖЕНИЯ	СТР. 15
ВРЕМЯ И МЕСТО	СТР. 16
ТЕЛЕВИДЕНИЕ	СТР. 17
ТОЧКА СЪЕМКИ	СТР. 20
АКЦЕНТЫ НЕДЕЛИ	СТР. 21
АНТИКВАРИАТ	СТР. 22
СТИЛЬ ЖИЗНИ	СТР. 24

Перемешай иногда серьезный труд развлечением

НГ АНТРАКТ

Приложение к «Независимой газете»

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
Алла Бюлотина

НАД НОМЕРОМ РАБОТАЛИ

Анна Алексеева, Дмитрий Буткевич,
Сергей Варшавчик, Владимир Захарин, Елена Кутловская, Галина
Окулова, Светлана Печникова, Галина Семенова, Виктория
Шохина, Венера Черепина, Вероника Чернышова

КОРРЕКТУРА Елена Невская, Лидия Фильцер,
Ольга Корчагина, Светлана Горшкова, Валентина Мерзлякова,

Гульсина Мубаракшина, Анна Черный

КОМПЬЮТЕРНАЯ ВЕРСТКА

Маргарита Богачева, Татьяна Васильева,
Марат Сафин, Елена Аршанинова,
Людмила Нагорнова, Наталия Воронова
ИЛЛЮСТРАЦИИ Михаил Митин,
Ирина Саратова, Екатерина Саратова

ТЕЛЕФОН РЕДАКЦИИ 645-54-02

E-mail: eka@ng.ru

© «Независимая газета», © «НГ АНТРАКТ»

Трудные вопросы для Отара Иоселиани

<< ОКОНЧАНИЕ НАЧАЛО НА СТР. 13

– Фильм «Фавориты луны», снятый вами в 1984 году, был назван критикой самым французским фильмом за последние десятилетия.

– Но сочинил я «Фаворитов луны», когда еще жил в нашей несчастной стране. И сочинил его про нас. А снял – во Франции. И вдруг выяснилось, что это и про них тоже. Такой вот парадокс. Вдруг выяснилось, что мы безобразничаем, ворует, любим, поступаем благородно – одинаково, хотя живем в разных странах. И французы решили, что это фильм про них. Наверное, такая мысль пришла им в голову потому, что в то время во Франции в основном снимали картины про мушкетеров. И вдруг появился фильм про то, как мы все живем на этом свете...

– Почему снимали во Франции?

– Потому что здесь его снять было нельзя.

– В 1984 году такие вещи уже можно было снимать.

– Я написал сценарий в 82-м году, накануне смерти Брежнева. Тогда еще было засилье цензуры.

– Большая часть творческой интеллигенции уезжает именно во Францию. Почему?

– Ошибаетесь, многие едут в Америку... Иосиф Бродский, Сергей Довлатов... (Неожиданно.) Довлатов – это мой самый главный товарищ на этом свете, но его уже нет... Да и Бродского тоже нет. Помню, как-то мы сидели в гостинице: я, председатель Госкино Ермаш и ваши собратья критики. Было это в Турине... Они все сидели у меня в номере, потому что очень любили на халяву жить... И вдруг мне звонит итальянский переводчик и друг Иосифа Бродского и говорит, что Иосиф получил Нобелевскую премию. Я вернулся в комнату, где сидели критики, и сказал: «Встаньте, пожалуйста, все». Они решили, что я сейчас произнесу какой-то традиционный грузинский тост, и встали. Я продолжил: «Сегодня стало известно, что Иосиф Бродский стал лауреатом Нобелевской премии».

Все помрачнели. Им стало очень неприятно, что они стоят, да еще держат бокалы в честь человека, которому они завидовали и которого не любили. Я говорю: «Выпейте, пожалуйста, то, что налито в ваши бокалы, потому что мы все сгинем, а Иосиф уже остался». С большим трудом они выпили. Мрачные, бурчат под нос: «Почему? Кто он такой?!» Я ответил: «Кто он такой?» И прочел стихотворение, чтобы стало ясно – кто такой Иосиф! Вот такая вещь...

– Многие режиссеры, художники, поэты эмигрировали в годы советской власти. Но есть у нас в стране очень мужественный человек, Кира Муратова, которую цензура «давила» куда сильнее, чем некоторых из уехавших... Но она осталась жить в России. Неужели для вас лично родина менее ценна, чем профессия? Вы ведь уехали потому, что вам не давали снимать?

– Да, мне снимать не давали. Теперь о Кире. Власть очень беспокоится, когда человек независим. А она человек независимый вопреки всему и всем. Таких было очень мало в бывшем Советском Союзе, да и сейчас немного... Муратова принадлежит к поколению молодого Панфилова, молодого Тарковского, молодого Аскольдова. Эти люди – необходимый феномен на фоне существования цензуры; они нужны тоталитарной системе, чтобы подчеркивать существование цензуры.

– Так почему же вы, мужики, уехали, а она, женщина, осталась?

– Просто закрылся процесс финансирования нашей работы. Кино – это дорогая работа. И что я должен был делать? Мне надо работать. Я не могу сидеть и пьянствовать, ожидая, когда какие-то капельки денег капнут мне на голову и я смогу запустить фильм в производство... Вы знаете, что мои коллеги в Тбилиси снимают по восемь-девять лет одну картину?! А я не могу себе позволить годами ждать. И годами снимать. Я снимаю картину за два месяца. Я не могу сидеть с группой в течение девяти лет и мучить людей тем, что я хочу что-то такое (крутит рукой) снять. Когда я придумал – я снимаю очень быстро. Но жить с группой в течение девяти лет?! Невозможно...

– И все же: неужели родина менее важна, чем профессия, чем творчество?

– Мои коллеги, Эльдар Шенгелая, Лана Гюгеберидзе, занялись политикой оттого, что не могли снимать кино. Политика – это мерзость. Этим делом я заниматься не могу и менять профессию не захотел. Я снимаю кино и еду туда, где это можно делать. Но где бы я ни делал фильм – в Париже, Москве или в Тбилиси, – снимаю я кино точно так же, как бы я делал это у себя дома.

– Желания вернуться на родину нет?

– Ну, тогда надо продавать яблоки и не заниматься профессией. Если вам это угодно для того, чтобы я вернулся...

– Наш президент призвал соотечественников возвращаться в Россию и обещал оказывать «возвращенцам» всяческое содействие.

– Как они могут вернуться, если большинство из них на своем родном языке говорить не умеют? Ну, вернутся они и будут говорить с вами по-французски. Или по-английски. Глупости какие-

то! И затея эта скорее всего рекламного характера. Когда русские после революции уехали из России, они не раскрывали чемоданы, потому что думали, что все это временно. Генералы Российской армии становились таксистами, им нужно было как-то кормить семью... Так и померли. Сегодня и таксисты в Париже никого из них не помнят. Так ушло целое поколение. Все, сделанное ими на родине, было ни к чему... Сдуло все ветром российского дикого бунта. Бунт привел к созданию известного символа – серпа и молота. А потом вдруг выяснилось, что губить созданную многими поколениями российскую жизнь не стоило. Все было напрасно... Искоржены жизни. Для чего? Для того, чтобы в итоге восстановить двуглавого орла? Причем птица оказалась изрядно пощипанной... И трехцветный флаг, который был восстановлен, – оказался поблекшим...

Сегодня мечта о восстановлении великой Российской империи существует в подсознании у любого чиновника. И он на этом зарабатывает деньги: он не любит ни свою родину, ни свой народ, да и не знает он его! А книга Салтыкова-Щедрина «История одного города» продолжает быть настольной книгой для любого думающего человека. Она вечна – как Библия. Пока что-нибудь не изменится и эта книга не станет просто воспоминанием о жутком времени, которое прожил российский народ. Ведь большевики – особенно большевики – уничтожили и разбазарили жизнь народа. Уничтожить крестьянство в России – это же надо было додуматься?! Крестьянство мешало...

А сегодня выяснилось, что грузины мешают жить России! Я не могу сказать, что мои соотечественники все без исключения симпатичные. Но то, что случилось с грузинами, похоже на очень простую природную ситуацию, когда вода вытекает в дырку. Некоторо-

«История одного города» Салтыкова-Щедрина продолжает быть настольной книгой для любого думающего человека

рым грузинам стало душно жить там, где они жили, – появился какой-то водоход, в данном случае Россия, и они туда «потекли». Буквально рванули в Россию. Я все время говорю: «Не надо, ребята, этого делать. Если вы умеете и можете работать там, где живете, – делайте это там». Нет – полезли... Вот и получили по пальцам.

– Есть ли некоторая надежда на то, что жизнь в России изменится к лучшему? Речь, конечно, не о том, что однажды все чиновники уйдут в божжи...

– Не знаю, изменится ли... Наша несчастная страна – я говорю «наша», не лукавя, – является провинцией. Так же, как и Соединенные Штаты Америки. Это две провинции, которые расположены на двух противоположных сторонах земного шара. В России родились чудные люди. Здесь родился Менделеев, Павлов, Гнедич, который переводил «Илиаду», Жуковский, который переводил «Одиссею». Здесь жили и живут лучшие переводчики всей мировой литературы. Таких переводчиков больше нигде нет. И все это надо было сдуть – ради того, чтобы пришло хамство. Сейчас мы сидим напротив Кремля, который был населен в прямом смысле дикарями. Каганович, Жданов, который учил музыке Шостаковича и Прокофьева, Калинин, Ворошилов – полный мерзавец!..

– А ваш учитель, советский кинорежиссер Александр Довженко, не мерзавец?

– Нет. Это были романтики, тот слой населения, которые вдруг по наивности решили, что мир изменится к лучшему и навсегда. К этим великим романтикам относится Маяковский. Все, что он создал, – высокая поэзия. Довженко относится к той же категории романтиков, уверовавших в лучшее будущее. Пока они были лояльны к власти – власть была лояльна к ним. Но так как эти люди были настоящими поэтами – они вдруг что-то узрели. И их всех смыло – они стали не нужны режиму.

– Вы однажды сказали, что не снимаете кино о современной России, потому что ничего о ней не знаете. А хотели бы вы знать ее? Она вас пугает, разочаровывает или оставляет равнодушным?

– О России написаны книжки. Одна замечательная – называется «Мертвые души». Она очень актуальна сегодня. Написана и другая замечательная книжка, которую я уже называл, – «История одного города». И ее писал высокого ранга чиновник господин Салтыков-Щедрин. Написана таинственная, но чудная книга «Мастер и Маргарита». И еще книжка – «Собачье сердце». Лучше этого я ничего о России не скажу. ■